

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО с ГЕРЦЕНОМ и М. А. БАКУНИНЫМ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО КАРЛА ФОГТА к ГЕРЦЕНУ

Публикация С. Я. Штрайха

Публикуемые ниже письма Владимира Онуфриевича *Ковалевского* (1842—1883) относятся ко времени наибольшей близости гениального ученого-палеонтолога к революционному движению. Эти письма проливают яркий свет на деятельность Ковалевского в начале шестидесятых годов. Первое из них написано с театра военных действий в Польше, в 1863 г.; второе, относящееся к 1865 г., посвящено попыткам Ковалевского издать герценовские произведения в России.

Остальные документы касаются весьма мучительного в биографии Ковалевского эпизода. В разгар реакции 1864—1866 гг. Ковалевский был оклеветан. В революционной среде Петербурга и эмиграции был распушен слух, что Ковалевский служит агентом III Отделения. Чистейший человек, искренне и горячо преданный интересам освобождения и просвещения народа, сделался жертвой искусно спровоцированной клеветы и, напрягая все свои силы, стремился установить источник порочащих его слухов, разоблачить клеветников, восстановить свое доброе имя.

И хотя полная непричастность Ковалевского ко всему тому, что может порочить имя революционера, несомненна, однако доказать эту непричастность было чрезвычайно трудно, особенно осенью 1864 г., когда организация «Земли и воли» была разгромлена, а многие связи эмигрантов с родиной оказались прерванными.

Но расскажем по порядку о взаимоотношениях между Ковалевским и революционной эмиграцией*.

* * *

Знакомство Ковалевского с Герценом произошло осенью 1861 г. в Лондоне. Знаменитому впоследствии ученому было тогда девятнадцать лет. Он только что (весной того же 1861 г.) окончил Училище правоведения в Петербурге, был затем определен на службу в Правительственный сенат и почти сразу получил, по своей просьбе, четырехмесячный отпуск за границу. Карьера царского чиновника-юриста не привлекала Ковалевского, и он порвал со службой в Сенате, отказавшись вернуться в срок из предоставленного ему отпуска. За границей он пробыл в эту первую поездку вместо четырех месяцев около двух лет, до весны 1863 г.

Ковалевский произвел на Герцена хорошее впечатление и через некоторое время был приглашен давать уроки его младшей дочери Ольге (вместо В. И. Кельсиева, собиравшегося уехать из Лондона). Таким образом, Ковалевский в доме Герцена стал как бы своим человеком. Он был хорошо осведомлен о сношениях издателей «Колокола» с приезжавшими в Лондон русскими, в том числе и с представителями революционного подполья России. Герцен не таил от Ковалевского этих конспиративных свиданий

---

* Письма Ковалевского к Герцену и Бакунину печатаются по автографам, а письмо Герцена к Ковалевскому по рукописной копии (Н. А. Герцен) «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 87, 130, 134); письмо Карла Фогта к Герцену — по автографу ЛБ (Г-О VIII-103).

не только потому, что верил в его безусловную личную порядочность и честность, но, разумеется, и потому, что видел в нем идейного единомышленника.

О политических взглядах и революционном настроении молодого Ковалевского свидетельствует первый из публикуемых здесь документов — его письмо к Герцену, посланное из Кракова, во время польского восстания 1863 г. Как явствует из этого письма, Ковалевский принял, хотя и кратковременное, но непосредственное участие в восстании; повидимому, через своего приятеля студента-медика П. И. Якоби он был связан с революционной офицерской группой Потебни, действовавшей в Польше. Приводим с небольшими сокращениями этот ранее не известный документ, интересный не только для биографии гениального ученого, но и для истории русского революционного движения.

1

(Краков. 22 октября 1863 г.)

Попавши опять на некоторое время за границу после пятидесятилетнего житья в Петербурге, мне пришлось написать к вам несколько слов, именно основываясь на том, что вы несколько знаете меня. Приехал я в Варшаву и Краков всего дней на 10 и после опять уеду домой в Петербург. Приезд же мой сюда вызван кой-какими делами и желанием увидеть моего приятеля Якоби, о котором и вместе с которым я уже писал вам еще в апреле. Присутствие его здесь оказалось в высшей степени полезным, да и вообще все самые дельные люди в восстании оказались из русских офицеров. Он счастливо участвовал в нескольких драках, получил было предложение сделаться военным распорядителем при Центральном комитете, но отказался и, наконец, был у Тачановского; под Крушиной 30 августа их разбили, и он с 12 другими был отрезан гродненскими гусарами в числе 60 человек; под ним убита лошадь, и сам он пробит тремя ударами пика, так что остался на поле (...) Однако крестьяне через несколько времени после ухода отряда подобрали живых, свезли в лазарет, откуда он перешел в другой, и, наконец, его перевезли в Краков, куда я, узнавши об этом, и приехал сейчас. Раны его едва ли позволят ему скоро опять идти в отряд, но так как Национальное правительство обратило сильное внимание на него, к тому же рапорт, посланный им в Варшаву о положении дел, так обратил на себя общее внимание, что ему предлагали очень изрядные должности, но так (как) раны болят при здешней сырой погоде, то решено, что он поедет осматривать и заказывать оружие и с другими поручениями в Вену, Париж, Лондон и Бельгию. Так как в Лондоне он останется всего несколько дней, а ему бы хотелось видеть вас одного и без всяких собраний воскресных, то он просил известить вас, и я надеюсь, что вы примете его наедине; моя рекомендация, конечно, тут не причем и превращается в простое извещение. Как скоро это будет, я не знаю, но извещаю вас на всякий случай. Раны его заживают; кроме огнестрельной, уже закрылись совершенно, и при новом устройстве всех отношений в лицах, распоряжающихся восстанием (что, по всей вероятности, уже известно вам), он теперь назначен начальником штаба отрядов, формирующихся в Галиции, т. е. ему поручено сформирование, обучение, переход и стратегическая комбинация выходящих к Галиции сил. Дела пропасть, и я, живя вместе с ним, как-то поражен даже всем *business like** видом этого устройства; совершенный департамент Военного министерства, только участниками его не генеральство, а наши братья. Главный недостаток здесь не в *chair à canon***, его довольно, а в людях, которые сумели (бы) хорошенько повести отряд, и если повстанцы часто бегают, так именно

* деловым (англ.).

** пушечном мясе (франц.).

Полным путем на запад. Члены и
главы иныи были посланы в
Петербург или прислали писем в
министерство. Иныи сообщали на
мне что в министерство явились мои быв-
шие и профессоры и другие люди для того
и просили меня войти в члены комитета
Финляндии для того чтобы войти в комитет
вместе с финскими учеными людьми
и вместе с ними в министерство и в
корольство и для того чтобы войти в
Финляндию. Присутствие своего министра
в высшей степени полезно для власти
и для науки и для людей в корольстве
и для науки и для людей в корольстве
и для науки и для людей в корольстве

Копия, все шло по плану и
члены иныи были посланы в
Петербург или прислали писем в
министерство. Иныи сообщали на
мне что в министерство явились мои быв-
шие и профессоры и другие люди для того
и просили меня войти в члены комитета
Финляндии для того чтобы войти в комитет
вместе с финскими учеными людьми
и вместе с ними в министерство и в
корольство и для того чтобы войти в
Финляндию. Присутствие своего министра
в высшей степени полезно для власти
и для науки и для людей в корольстве
и для науки и для людей в корольстве

Ваше
22 Октября
Александр Александрович

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. О. КОВАЛЕВСКОГО К ГЕРЦЕНУ ОТ 22 ОКТЯБРЯ 1863 Г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

потому, что тупоумные или не имеющие понятия о военном деле начальники ведут их, как баранов, на бойню. Мне случалось и провожать ночью отряды до границы и встречать разбитые, и всегда прямо виноваты предводители.

Из последних номеров «Колокола» можно заключить о впечатлении, произведенном на вас тем, что делается в продажном и подлом образованном круге русском, но видеть все это на деле, жить между негодяями, видеть ваших прежних друзей и ездивших к вам еще очень недавно, посылающих депеши с патриотических обедов одновременно Каткову и Муравьеву, — это, право, чего-нибудь да стоит и способно привести человека и в свирепость и в отчаяние. Я сам живу кое-как, работаю, как вол, занимаюсь в Медицинской академии и через год отправляюсь опять за границу, чтобы, поработавши в каком-нибудь университете, держать экзамен на доктора медицины — одним словом, совершенно изменяю свои занятия. А в крепости у нас сидят да сидят, а двух ссыльных, Гена и Михаэлиса, выслали по ложному доносу губернатора Арсеньева из Петрозаводска: первого — в Царевосанчурск Вятской, а другого — в Тару Тобольской губернии. Вообще не очень утешительно — цензура свирепствует, III Отделение еще хуже, литература предлагает свои услуги тому министерству, которое заплатит подороже; все благомыслящие люди молятся на Каткова, все молодое поперло в чиновники, даже та несчастная адвокатская деятельность, которая представляется теперь, совершенно отбрасывается молодежью в сторону; всякий хочет захватить казенное местечко при новом порядке.

Что делают ваши, как здоровье и живописные успехи Натальи Александровны, что делает моя дорогая ученица Ольга? Мой низкий искренний поклон и рукожатие Николаю Платоновичу и Наталье Алексеевне *.

Вам искренне преданный

В. К о в а л е в с к и й

Краков. 22 октября

В Польше, охваченной восстанием, Ковалевский пробыл всего несколько дней, после чего вернулся в Петербург. За границу он выехал вновь через год, повидимому, специально для участия в известном эмигрантском съезде, происходившем в Женеве с конца декабря 1864 до начала января 1865 г. Б. П. Козьмин в своей работе «Герцен, Огарев и молодая эмиграция», говоря о Ковалевском, допускает, что тот участвовал в женевских совещаниях русской эмиграции в качестве «представителя петербургских революционных кружков, с которыми был связан» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 22). Позиция, занятая Ковалевским на съезде, выяснена не вполне. Однако, судя по сохранившемуся краткому отзыву Герцена, Ковалевский, не выступая против него активно или сколько-нибудь резко (к Герцену Ковалевский относился с огромным уважением), все же по существу поставленных вопросов придерживался взглядов «молодых», т. е. группы Утина — Серно-Соловьевича. Сообщая Огареву о результатах своих переговоров с «молодыми людьми», Герцен 4 января 1865 г. писал: «Мне с ними ужасно скучно — все так узко, лично и ни одного интереса, ни научного, ни в самом деле политического; никто ничему не учится, ничего не читает. У(тин) хуже других по безграничному самолюбию (...) Ков(алевский) гораздо лучше других» (XVIII, 6).

Герцен расстался с Ковалевским после эмигрантского съезда без всяких видимых признаков недружелюбия или, тем более, недоверия. И Ковалевский уехал из Женевы, полностью сохраняя свои давно сложившиеся чувства любви и уважения к Герцену. Это он доказал на деле, издав в конце 1865 г. в Петербурге, с большим риском для себя, роман Герцена «Кто виноват?». Вследствие недосмотра царской цензуры издание это удалось не только отпечатать (разумеется, без имени автора) в типографии Ф. С. Сувинского (человека, близкого к некоторым деятелям польского национально-освободительного движения), но и сразу же полностью распространить.

* У Ковалевского описка: Надежде Александровне.

21 декабря 1865 г. книга, после напечатания, была представлена в Петербургский цензурный комитет, и тогда же Ковалевский сообщил об этом Герцену. Письмо это, сохранившееся в «празской коллекции», тоже оставалось до настоящего времени неизвестным. Написано оно было, судя по содержанию и по связи с другими документами, в конце декабря 1865 г.

2

(Петербург. Конец декабря 1865 г.)

Вас очень удивит и даже, может быть, более, чем удивит, мое бесцеремонное обращение с вашей литературной собственностью, когда вы узнаете вдруг из газет, что я издал ваш роман и собираюсь издать еще мелкие статьи, но прошу не сердиться за это и быть уверенным, что я был побужден к этому в ваших же интересах; именно я встретил в газетах объявление об издании анонимно и, кроме того, прослышал, что это намерен сделать один спекулятор, пользуясь вашим бесправием остановить его. На этом основании я решился быстро повернуть дело, и в настоящее время все уже напечатано и через два дня или будет остановлено, или появится в продаже. В последнем случае я буду ждать вашего ответа, который прошу написать от имени и рукою Натальи Александровны, адресуя письмо в книжный магазин Кожанчикова, с передачею мне. Распорядитесь изданием как вам угодно, назначьте или плату полистно, или за все издание (оно напечатано в числе 3000 экз.), или, наконец, сочтите его своим собственным, и, в этом случае, оплативши издержки по печатанию, я буду вести строгую отчетность и высылать все выручаемые деньги вам, — вообще поступите, как вздумаете и как сочтете удобнее для себя, только не имейте претензий на меня и не думайте, что я хотел пользоваться вашим положением.

Второе обращение или просьба — это относительно Фогта, который, как я слышал, злобен на меня. Попрошу вас объяснить ему следующее. Зимой, когда я был у вас и у него, у нас с Б(акстом О. И.) был проект приобретения типографии и полочки в долг до 12 тыс. р. с. денег; рассчитывая на них, я и заключил условие с Фогтом — уплатить ему *12 т. франков за право иметь первые корректурные листы всех его будущих сочинений*. Вы знаете, что перед моим отъездом зимою пришла весть о несчастном случае с Б(акстом); все предположения лопнули, и уже плата Фогту сразу такой суммы становилась немыслимою, потому что я очутился и без типографии и без денег. Но я попрошу вас напомнить Фогту, что наше первоначальное словесное условие было таково, чтоб мне платить ему по 60 фр. за каждый лист, который он обязуется прислать мне в корректуре одновременно или даже до его появления в оригинале за границу; после Фогт говорил мне, что так как он пишет очень много, то мне выгоднее купить у него за раз право навсегда и предложил мне заплатить ему в течение двух лет 12 т. франков; рассчитывая на получение денег, я согласился; оно оборвалось, и я остаюсь при своем прежнем предложении и обязуюсь платить ему по 60 фр. за каждый лист его новых статей, которые он сообщит мне. Так, например, его лекции о *море* были переведены и напечатаны в «Русском слове», и он, конечно, не получил за них ни гроша; если же будущие подобные статьи будет в корректурах посылать мне, то я стану платить ему по 60 фр., как условились, за лист.

Точно так же мы условились, что он переделает для меня свои «12 leçons de géologie» * и прибавит к ним еще одну; работу эту я положительно прошу его сделать и обязуюсь уплатить ему по 60 фр. за каждый средней величины лист в 35 000 букв (это норма, принятая у нас в России).

Я так подробно и длинно излагаю все это вам потому, чтобы оправдаться перед Фогтом, да чтоб и вас облегчить от неприятного чувства, точно вы

* «12 уроков геологии» (франц.).

приводили к нему зимою какого-то мазурика, который обманул его. Сообщите ему, кроме того, что издатель его, Ригер, говорит, что Фогт не имеет права продавать своих сочинений от себя и что плати я ему сколько угодно, а он, Ригер, рисунков и клише мне не даст, а хочу я заплатить ему, Ригеру, так это другое дело, тогда рисунки будут.

Кланяюсь и крепко жму руку Наталье Александровне и моей милой ученице Ольге, а вас крепко и крепко целую и обнимаю. Весною, может быть, это удастся сделать на самом деле и обнять вас *de facto*; верьте, что я все тот же преданный и искренний ваш приятель и поклонник.

У вас там, как в котле, кипят самые нечистые сплетни; я слышу, что и меня примешивают к ним; не сомневайтесь ни на минуту, что все это грязь и ложь; мне было бы больнее всего, если бы вы усумнились во мне.

Что делает Лиза, помнит ли меня? Как здоровье Натальи Алексеевны и супруга ее? Крепкое рукожатие им всем и m-lle Meysenbug.

Кроме известия о напечатании романа «Кто виноват?» и просьбы «распорядиться изданием», публикуемое письмо содержит еще две просьбы («обращения») к Герцену.

Одна просьба была вызвана, по словам Ковалевского, тем, что на него «зlobен» Фогт (речь идет о Карле Фогте — известном немецком естествоиспытателе). Причина неудовольствия Фогта выясняется из его позднейшего письма — 1874 г. — к Ковалевскому, сохранившегося в архиве семьи Ковалевских. Причиной размолвки между Ковалевским и Фогтом были денежные претензии Фогта к Ковалевскому, предпринявшему издание его трудов *. Другая просьба занимает всего четыре строчки, но она, вероятно, была самой существенной для автора письма. «У вас там, как в котле, кипят самые нечистые сплетни; я слышу, что и меня примешивают к ним, — писал Ковалевский Герцену и добавлял, — не сомневайтесь ни на минуту, что все это грязь и ложь...».

Пока это письмо оставалось неизвестным, историки полагали, что «нечистые сплетни» о Ковалевском возникли после покушения Каракозова на Александра II (см. работы М. К. Лемке, Б. П. Козьмина, Л. Ш. Давиташвили). Установить источники «грязи и лжи» раньше не удавалось. В публикуемом ниже письме от 2 октября 1866 г. Ковалевский называет имя распространителя сплетен, — правда, называет условно. Но из комментируемого письма Ковалевского выясняется, что «слухи и сплетни» распространялись о нем еще задолго до 4 апреля 1866 г. Один эпизод, из числа известных раньше, не сопоставлялся до сих пор со слухами и сплетнями. Между тем, он позволяет теперь точно представить себе, как относилось III Отделение к Ковалевскому до выстрела Каракозова.

Дело заключается в следующем. 14 декабря 1865 г., за неделю до представления в Петербургский цензурный комитет отпечатанного экземпляра романа «Кто виноват?», Ковалевский обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издавать в 1866 г. ежемесячный журнал «Летописец» объемом от 15 до 30 печатных листов. В объявленной им программе журнала были отделы литературы, искусства, естествознания и критики, а также внутреннее и политическое обозрение. Конечно, здесь не указывалось, что «Летописец» должен заменить закрытую правительством за «вредное направление» двухнедельную «Народную летопись», вокруг которой группировались виднейшие публицисты, близкие к революционным демократам шестидесятых годов. Участвовал в «Народной летописи» и Ковалевский. Вместе с «прошением» он представил 14 декабря и заявление о том, что ответственным издателем и редактором журнала будет он сам.

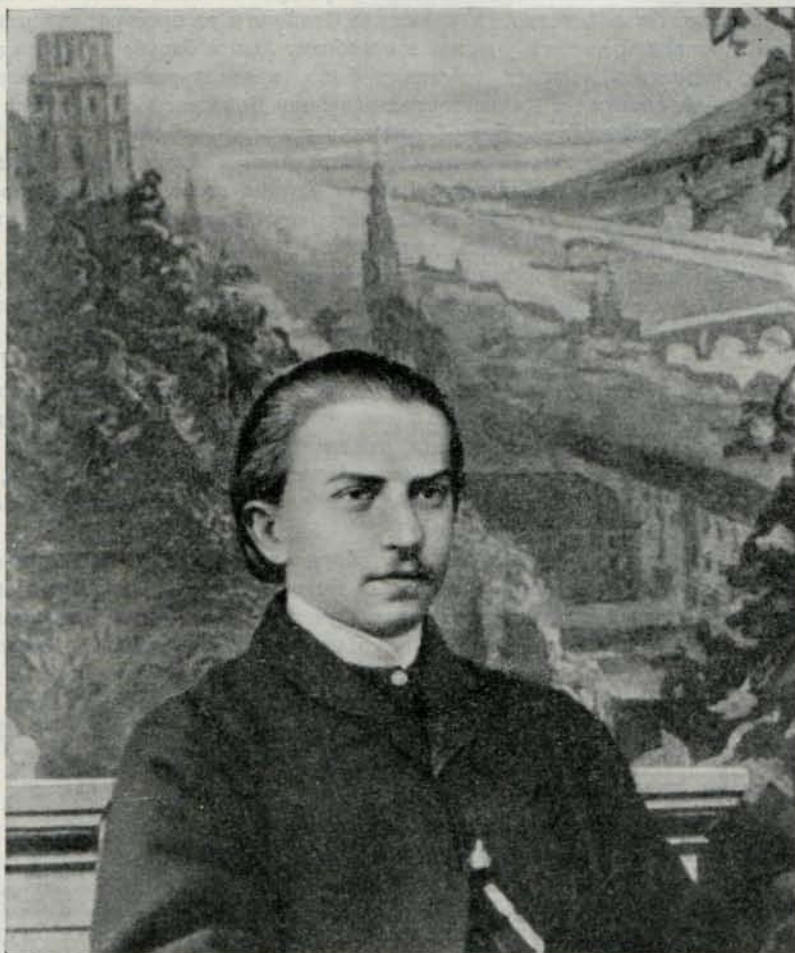
Начальник Главного управления по делам печати запросил III Отделение, можно ли удовлетворить просьбу Ковалевского. III Отделение ответило в начале февраля 1866 г., что Ковалевский «человек с большими способностями, но образ жизни в политическом

* См. в приложении к настоящей публикации письмо К. Фогта к Герцену от 22 февраля 1866 г., свидетельствующее, что недоразумение уладилось уже в начале 1866 г.

отношении не совсем благонадежен». Поэтому Главное управление по делам печати сообщило Ковалевскому, что «разрешения на его ходатайство не последовало».

В литературно-общественных кругах — отечественных и зарубежных — не знали, какую оценку дали Ковалевскому жандармы, и «самые нечистые сплетни» продолжали распространяться.

В. О. КОВАЛЕВСКИЙ

Фотография 1869 г.

Архив АН СССР, Ленинград

После выстрела Каракозова 4 апреля 1866 г. во всей стране и в первую очередь в Петербурге началась настоящая вакханалия «белого террора». В л. 221 «Колокола» от 1 июня 1866 г. была напечатана корреспонденция «Из Петербурга», в которой сообщалось, что «аресты самые безобразные, самые беспричинные продолжаются». В перечне арестованных корреспондент называл также фамилию *Ковалевский*. В кругах эмиграции были уверены, что речь идет именно о Владимире Онуфриевиче Ковалевском. Однако через несколько дней выяснилась ошибочность этого известия. Это обстоятельство дало новую пищу для клеветнических слухов и домыслов. Заговорили о «подозрительном счастье» Ковалевского, избежавшего ареста в такое время и при таких обстоятельствах, когда все люди, хоть в какой-нибудь мере прикосновенные к революционному движению, оказались за решеткой.

Политическая честность Ковалевского была взята под сомнение. Те, кто распространял клеветнические слухи, ссылались и на Герцена, который якобы тоже усмотрел нечто подозрительное в поведении бывшего учителя своей дочери.

Все это побудило Ковалевского отправиться за границу; он намерен был добраться до первоисточника позорящей его сплетни и разоблачить клеветников.

Еще в Петербурге Ковалевский наметил маршрут: он ехал сначала в Италию, в Неаполь. Ему уже было известно, что именно из Неаполя и распространялись сплетни. В Италии Ковалевский принял участие в освободительной борьбе гарибальдийских отрядов. Его участие в военных действиях было кратковременным (около двух недель), но весьма активным. Яркие корреспонденции Ковалевского с театра войны напечатаны в №№ 196 — 206 «С.-Петербургских ведомостей» за 1866 г.

В десятых числах сентября Ковалевский отправился в Швейцарию; найти источник клеветы в Неаполе ему не удалось. Первая встреча его с Герценом произошла 13 сентября 1866 г. в Женеве и была, повидимому, случайной. Инициатива разговора принадлежала Герцену; беседа велась дружески.

Герцен «уверял меня, — сообщал на другой день Ковалевский Бакунину, — что он не верит ничему и что дом его всегда открыт мне». Ковалевский добавлял еще, что расстались они с Герценом «повидимому, дружно».

Все изменилось на другой день — 14 сентября 1866 г. Утром этого дня Герцена посетил А. А. Серно-Соловьевич и заявил ему, что кто-то из эмигрантов в разговоре с С. И. Ламажским обвинил Ковалевского в «шпионстве». В ответ Герцен, как заявляет Ковалевский в письме к Бакунину, сказал, что слухи об этом «ходили громко в Неаполе» и проникли в эмигрантскую среду. Затем, отвечая, очевидно, на вопрос, прямо поставленный А. А. Серно-Соловьевичем, Герцен заявил, что он не числит Ковалевского среди «особенно близких» ему людей.

Эти слова не содержали в себе никаких обвинений по адресу Ковалевского, но воспроизведенные А. А. Серно-Соловьевичем, быть может, не вполне объективно, вконец нарушили душевное равновесие молодого ученого. Измученный тяжестью гнусной клеветы, находясь в состоянии крайнего нервного возбуждения, Ковалевский вечером того же 14 сентября написал письмо Бакунину и вслед за тем, в ночь с 14 на 15 сентября, — письмо Герцену. Бакунин переслал Герцену полученное им письмо тогда же (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 168); поэтому письмо и сохранилось в «пражской коллекции».

Ковалевский писал Бакунину:

3

(Женева. 14 сентября 1866 г.)

Я теперь сижу у Серно-Соловьевича и вчера только приехал от Якоби, у которого провел три дня; встретила же меня эта вавилонская блудница, именующая Женевой, так, что, ей-богу, волосы дыбом встают и голос спирается в горле, — не знаешь, что думать, что говорить. Встретил я прежде всего Герцена и горбатого Бакста (Владимира Игнатьевича); Герцен был смущен, как и сейчас, отвел меня в сторону, чтобы переговорить со мной, и при этом сообщил следующее — что он получил из Неаполя известие, что Утин говорил вам на меня какие-то обвинения и что вы вследствие этого устроили объяснение между мною и Утиным. Теперь вы ведь знаете, что я с Утиным лично расстался хорошо, не знаю, что он говорил вам, но вы мне никогда не сообщали никаких обвинений и никогда не устраивали объяснений между мною и Утиным. Ради же бога, Михайло Александрович, изболите эту наглую ложь, потому что, как увидите ниже, на этом строятся важные обвинения. Продолжая разговор с Герценом, оказалось, что и он и горбатый Бакст получили известия, что я — *шпион*. Я не знаю, что вы об этом подумаете, но, конечно, вы сознаете сами, что оправдываться мне от подобного обвинения и нельзя и нечего; надо все предоставить времени и тому, что, в конце концов, самые обвинители окажутся немногим лучше

РОМАН «КТО ВИНОВАТ?» В ИЗДАНИИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО, С.-ПЕТЕРБУРГ, 1866 г.

Книгу удалось отпечатать и распространить по недосмотру цензуры

Титульный лист

КТО ВИНОВАТЪ?

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

«А случай сей за неоткрытїемъ
виновныхъ предать воли божїей,
дѣло же, почитаясь рѣшеннымъ,
сдать въ архивъ»

Протоколъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1866.

того, чем они хотят сделать меня. Мало того, сегодня Соловьевич ходил утром к Герцену, с которым я расстался вчера, повидимому, дружно и который уверял меня, что он не верит ничему и что дом его всегда открыт мне, и этот же Герцен говорил Соловьевичу, что слухи о моем шпионстве ходили громко в Неаполе, что у Оболенских все говорили об этом и что «это нам было известно всем и в том числе мне». Ну скажите же сами, Михайло Александрович, что тут делать, ведь вы же сами знаете, что все это ложь, что Оболенские принимали меня, как родного, что с вами я был до последней минуты хорош и если б вы имели какие-нибудь сведения, то, верно, прямо сказали бы мне.

Повторяю, оправдываться в этакой гнусности нельзя. Я бы унизился до чѣрт знает чего, если бы вздумал оправдываться перед скотами, обвиняющими меня; я предоставляю все времени и плюну на эту гнусную, сплетничающую женеvскую шайку и уеду в Петербург на днях. Я прошу вас только написать сюда, лучше всего на имя *Серно-Соловьевича* (Rue de Savoises, vis-à-vis de Cirques, № 502, chez Ardin), все, что происходило в Неаполе, и до чего все эти сплетни гнусны и нелепы. Я просто теряюсь, когда подумаю, что достаточно одной сплетни, пущенной каким-нибудь скотом, чтобы заставить подозревать человека, которого знают целые годы. И знаете, какое одно из главных обвинений: зачем я не арестован, когда арестованы так многие. Этим людям, чтобы убедиться в том, что я не шпион, хотелось бы чтоб меня выпороли в III Отделении и сослали в каторжную работу, но доставить подобное доказательство я, по всей вероятности, воздержусь.

Сделайте милость, непременно ответьте, и сейчас же, на имя Серно-Соловьевича или хоть Герцена.

Ваш В. К о в а л е в с к и й

Женева. 14 сентября

В еще более возбужденном и резком тоне писал Ковалевский Герцену (приводим письмо с некоторыми сокращениями):

4

(Женева. 14 сентября, 1866 г.)

Александр Иванович, веря на слово всему, что вы говорили мне при личном объяснении, я хотел еще раз зайти и поговорить с вами, но ваш вчерашний разговор с Серно-Соловьевичем, переданный им мне, не позволяет мне сделать этого. Я прежде всего замечу, что вы не должны приписывать этому письму оправдательного или очистительного характера {...} Я вам был достаточно известен в течение пяти лет и горжусь тем, что если и имел с кем-либо политические дела, то никто из имевших со мной дело никогда не был арестован по моей вине и неосторожности. Сопоставьте с нынешними обвинениями то, что я знал в подлинности все Михайловское и Шелгуновское дело, что я знал провозивших прокламации, из которых никто не был арестован, что я знал Якубовича и его первый проект, а после и второй, что я отдал и последние деньги и паспорт, чтобы выручить из Лондона Трубецкого, где он погибал, что я знал и видел приезд известного вам раскольника Кельсиеву; что я собирал и дал сам Кельсиеву все имевшиеся у меня деньги и знал цель его поездки, — сопоставьте все это с тем, что никто из этих лиц не арестован, — и всякому разумному человеку ответ ясен. Вспомните, что я никогда не касался, бегал гнусной Баксто-Стуарто-Веселицко-Владимировской партии, ничтожной, самолюбивой, сплетничавшей, представлявшей в своей деятельности прообраз того, что мы видим в эмиграции после окончания спектакля, — вот чему я обязан своим спасением, я никогда не водился с ослами; да и, наконец, где же ваш политический смысл, где же задатки деятельности, когда вам подозрительны люди осмотнительные, умеющие все время счастливо вращаться между самыми зазорными зубцами петербургской полиции, и не подозрительны только бесполезно эмигрировавшие или вследствие болтовни, чванства и хвастовства своим значением попавшиеся в лапы ее. Каким же образом вы даете ход, поощряете своим поведением и молчанием всякую гадкую сплетню, всякую наглую ложь, пущенную без фактов, против лиц, которых вы знаете целые годы? {...}

Вы принадлежали, Александр Иванович, к числу лиц, которых я сильно уважал, разрыв с вами казался мне всегда делом очень тяжелым и горьким, могущим совершиться только после долгой внутренней борьбы и который должен был бы оставить сильные следы на моей нравственной личности {...}

Если вы хорошенько обдумаете все это, если вы поставите себя хоть для примера в шкуру человека, которого вы предположите неправильно обвиненным, то, конечно, вы поймете, что вам надо сделать, и если уже заявлять требования по человеческому праву, то я требую, чтобы вы в письме ко мне, где вы заявляете о том, что не верите этой гнусной сплетне, сообщили все бы имена говоривших, и я, переходя от лица к лицу с вашим письмом, добьюсь, наконец, до того, (кто) был первым виновником этой гадости.

В. К о в а л е в с к и й

Женева. 14 сентября

Р. S. Я требую, даже если вы не сочтете нужным исполнить мою просьбу о письме, передать от меня мое искреннее прощание и рукожатие Наталье Александровне и моей прежней ученице Ольге.

Мой адрес пока в Берн, *poste restante*, а после — в *Бреславль* на имя Ламанского.

Хотя письмо Ковалевского, до крайности возмущенного и не владевшего собой, содержало в себе много несправедливого по отношению к Герцену, Герцен понял

душевное состояние своего корреспондента и немедленно ему ответил. Из этого письма Герцена видно, что он, несмотря на резкость тона Ковалевского, старался успокоить его, доказав, что сам он не верит в справедливость слухов и готов помочь Ковалевскому «разом окончить» их.

5

16-го сент(ября) 1866 г. Женева

Письмо ваше я получил. Жалею, что вы употребили такой тон, после которого всякая переписка становится невозможной. Я бы, разумеется, не отвечал, если б не был замешан интерес выше личностей.

Я никогда, никому не говорил, что я верю или верил в справедливость обвинения. Но, слыша с двух-трех сторон, счел необходимым сказать вам прямо. Неужели честнее было бы умолчать в глаза и слушать за глаза? Я думаю, что я вам оказал услугу. Сер(но)-Сол(овьевич) мне сказал, что вас кто-то обвинял у Ламанского. Мне говорили о Неаполе — не лучше ли разом окончить эти слухи?

Вас удивил мой отзыв о близости — не знаю, что и как вам сказал Сер(но)-Сол(овьевич), но мне кажется, что вы неправы — или просто мало знаете меня. Я, за исключением двух-трех лиц, ни с кем не близок, хотя выдаюсь со многими часто и многих знаю десять лет.

Так я не считал себя особенно близким с вами, так я не считаю себя близким с самим Сер(но)-Солов(ьевичем), которого и ценю и уважаю.

Если же вы желаете другого — а именно, чтобы я сказал, что в продолжении нашего знакомства мне не приходило мысли вас подозревать, — я это скажу охотно и искренно. Первые нехорошие слухи — и то не о политических, а о финансовых делах — о вас я слышал в Женеве от людей, я думаю, больше вашего круга, чем моего.

Бакунину я писал в пятницу; вероятно, дней через десять получу ответ и сообщу Сер(но)-Сол(овьевичу).

Затем я без фраз желаю, чтобы вы рассеяли все эти слухи, и очень жалею, что явился случайно на их дороге.

А. Герцен

Поклоны передал и передам.

Упомянутое Герценом письмо к Бакунину (писанное «в пятницу», то есть 14 сентября) неизвестно. Но сохранился ответ Бакунина из Ковы, близ Неаполя, от 22 сентября 1866 г. Бакунин сообщал, что компрометирующие Ковалевского слухи он услышал впервые от Николая Утина и «от М—ва натуралиста», т. е. от И. И. Мечникова, который, однако, «сам лично также ничего не знал положительного против Ковалевского» и, в свою очередь, почерпнул эти слухи «от разных людей в Швейцарии и в Германии», назвать которых, однако, и он и Утин отказались («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 167—168).

Таким образом, Бакунину не удалось выяснить, кто первый пустил клеветническую сплетню о Ковалевском. В публикуемом ниже письме Ковалевского к Герцену — от 2 октября 1866 г. — распространитель клеветы назван, хотя и с оговоркой: автор письма не был уверен в своем предположении. Это — Николай Бакст, младший брат В. И. и О. И. Бакстов. Однако ни в каком другом документе имя Николая Бакста не названо. Ни разу не упоминается оно и во всей известной нам семейной переписке В. О., А. О. и С. В. Ковалевских (много сотен писем за 1862—1890 гг.).

В 1862—1865 гг. Николай Бакст жил за границей, где был занят подготовкой к профессуре, и мог встречаться со знакомыми своих братьев — участников революционного движения. Ковалевского он знал еще по Петербургу. Однако документально проверить обоснованность догадки Ковалевского не представляется возможным.

Ковалевский отвечал Герцену следующим письмом:

(Бреславль. 2 октября 1866 г.)

Александр Иванович, полагая, что последняя фраза вашего письма о желании вашем рассеять эти не слухи, но систематически распространяемые клеветы искренна, я решился написать вам еще из Бреславля от Ламанского, у которого остановился на несколько дней, надеясь здесь найти какую-нибудь нить, и, конечно, опять оказалось, что эти слухи [есть вероятность] идут от одного лица, искусно пустившего их с разных сторон через разных лиц. Ламанский уверяет меня, что у него никогда и никто не обвинял меня и что единственные лица, говорившие ему о моей подозрительности и то очень глухо, были Бакст и Стурарт; он полагает, что, зная его близость, они не осмеливались прямо распространять этот слух, но только говорили о странности моего незаарестования вообще. Я знаю, что в Женеву привез эти слухи Ил. Мечников и с ними уехал в Неаполь, где, будто бы, и в этом же подтвердил его Утин. Ламанский думает, что Мечников имел этот слух от Стурарта и Бакста; откуда взял его Утин — я не знаю. — Теперь я должен предупредить вас, что один из самых отчаяннейших и бессовестнейших врагов моих есть Николай Бакст, и не без причины: я был невольным поводом, по которому двое лиц (известных даже вам) доказали ему *preuves en main* *, что он мерзавец и человек нечестный в самом простом значении этого слова. Как я, так и эти два лица всегда молчали об этом; я думал, что и Н. Бакст позабудет меня; случилось иначе — он только удвоил рвение. Вы знаете, что я вам никогда не говорил о нем ничего дурного, но пришло время, когда мне нужно предупредить вас быть очень недоверчивым к этому источнику и, слыша сплетни, узнавать, не оттуда ли они идут.

Вот в чем я счел необходимым предупредить вас; относительно же других мест вашего письма я могу только сказать, что если я и говорил о короткости между нами, то совсем не разумел дружбы — разница наших возрастов на целых 30 лет делает ее невозможной; я только подразумевал, что вы знали меня достаточно коротко, чтобы и защитить меня от подобного обвинения и дать мне в руки средство найти обвинителей. Вы не сделали ни того, ни другого; вашим сомневающимся положением относительно меня вы дали пищу и поддержали сплетню; невыдачею мне лица, сообщившего вам эту клевету, вы почти лишили меня возможности отыскать его, и, как видите, все мои попытки до сих пор тщетны. Вл. Бакст, спрошенный мною еще раз в Берне, говорил, что он слышал эти подозрения более года тому назад; у Ламанского никто не был и никто меня не обвинял. До сих пор я вижу во всем только Ник. Бакста и если уверюсь, что он — источник, то, конечно, поступлю с ним, как следует. В образец того, как эти люди распускали самую несбыточную и нелепую диффамацию, советую вам спросить у Соловьевича *историю часов и бар(она) Стурарта*.

Мечников писал Ламанскому, что и Шелгунова говорила ему что-то; ну, от нее я ожидаю всего, потому что, в самом деле, я стал на дороге ее *филантропических планов* и, разбивши их, разозлил ее до неистовства.

Вы очень обиделись тоном моего письма; это мне странно; не можете же вы думать, чтобы человек, надеявшийся на вас, как на короткого знакомого, и нашедший в вас сомневающегося при первом грязном слухе, не спящий две ночи под неожиданностью и мерзостью обвинения и пишущий письмо в одну из этих бессонных ночей — стал бы говорить особенно вежливо.

Я пишу лично вам и потому просил бы вас не показывать моих писем.

В. К о в а л е в с к и й

Бреславль. 2 октября

* с уликами в руках (франц.).

Ответное письмо Герцена неизвестно. Но в «пражской коллекции» хранится еще один документ, относящийся к так называемому «делу Ковалевского». Когда Герцена уже не было в живых, осенью 1872 г., Ковалевский навестил в Цюрихе Наталью Алексеевну Огареву. На другой день после этого посещения — 20 октября — она писала дочери Герцена, Наталье Александровне: «Вчера он (Ковалевский) был здесь внезапно, проездом из Англии в Берлин, много расспрашивал обо всех и особенно об тебе, очень жалел об размолвке с Герценом. Я его хорошо приняла, потому что помню, как Герцен жалел поспешность тех, которые вооружили его против Ковалевского, а доказать ничего не могли. Очевидно, это была ошибка» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 295, л. 18 об.).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Е. П. ПЕЧАТКИНА
(Невскій Проспектъ, № 42) продаются слѣдующія книги):
Искандеръ. Кто виноватъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.
Чернышевскій. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Ц. 50 к.
» Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Ц. 75 к.
Жоржъ-Зандъ. Пьерръ Гюгенень. Ром. въ 2-хъ ч. и **Викторъ Гюго:** Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Ц. 1 р. 50 к.
Вертеръ. Опытъ монографіи съ переводомъ романа Гёте «Страданія молодого Вертера». Ц. 2 р.
Стебницкаго. Обойденные. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Шекспиръ. Сочиненія. 2 т. Ц. 7 р.
Зиновьевъ. Сцены и рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
Пересылку книгъ (кромѣ казенныхъ и выходящихъ выпусками) магазинъ, при требованіи не менѣе какъ из 1 р., принимаетъ на свой счетъ. 433.

ОБЪЯВЛЕНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА Е. П. ПЕЧАТКИНА О ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ РОМАНА «КТО ВИНОВАТ?» С УКАЗАНИЕМ АВТОРА КНИГИ—«ИСКАНДЕР»

«Голос» от 4 марта 1866 г.

Из всего содержания настоящей публикации ясно, что В. О. Ковалевский — искренний и горячий участник революционного движения 1861—1863 гг. — стал жертвой провокационной клеветы; что лица, распространявшие слухи о причастности Ковалевского к III Отделению, не имели на то ни малейших оснований; что Герцен никогда не подозревал Ковалевского в шпионстве и очень жалел, что явился случайно «на дороге» клеветнических слухов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

КАРЛ ФОГТ — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Франкфурт. 22 февраля 1866 г.

Дорогой друг!

Только сегодня могу писать. Я метался, словно дикий зверь, между Франкфуртом, Оффенбахом и Майнцем и до сих пор не имел ни минуты покоя.

Вы, должно быть, получили вариант, предложенный г. О.

При сем проект о возврате имущества, который он должен подписать за Натали. Сделайте свои замечания и возвратите мне его с обратной почтой.

Мои публичные лекции проходят превосходно. Зал всюду переполнен, всюду приходится отказывать слушателям, а публика не только слушает, но замирает от восхищения.

Я получил здесь письмо от Ковалевского, в нем есть касающаяся вас фраза, которую я переписываю дословно.

«Будьте любезны передать другу Герцену, что при издании его романа я опасался конфискации и не решился поэтому выпустить большой тираж, — я напечатал только 2200 экземпляров и, за вычетом всякого рода издержек, я остаюсь ему должен за эту первую книгу 600 рублей, которые и буду высылать ему по мере распродажи книги».

Мой привет и крепкое shake-hands* m-lle Натали. Ecco tutto **.

Проект — прилагается на отдельном листе.

Преданный вам

К. Ф о г т

Мои наилучшие пожелания Огареву.

---

* рукопожатие (англ.).

** Вот и всё (итал.).